

СТРАХ ПАХНЕТ КОРИЦЕЙ

Майкл Кейн сел на стул и приготовился к съемке. Где-то под потолком раздалась команда: «Мотор!» Кейн привычно изобразил гангстера, поджидающего жертву. Но все пошло не так: перед глазами поплыли зеленые круги, стены зашатались, а в воздухе разлился сладковатый запах корицы. Кейн схватился руками за горло, дернулся и неловко повалился на бок.

Режиссер, наблюдавший за Кейном сквозь специальное полупрозрачное стекло, в смятении вскочил с кресла: что там происходит?! Съемочная площадка мгновенно наполнилась голосами: перекрикивались операторы и осветители, кто-то спешно открывал дверь в комнатку, где так неудачно прошла съемка, кто-то срывающимся голосом звал врача... Трое дюжих рабочих, вбежав, вытащили Кейна наружу и на

всякий случай отошли в сторону, ожидая доктора, — кто знает, что случилось с мистером Кейном, может, это сердечный приступ или еще что, а может, его вообще нельзя трогать, поворачивать или переносить. Спасительный белый халат уже мелькал вдалеке: личный врач Кейна, всегда дежуривший в студии, подбежал к своему пациенту, велел всем отойти подальше и, лишь взглянув на Майкла, устало выдохнул: «Ну вот, опять». Рядом суетился режиссер, спрашивал, что случилось, надолго ли это, мол, у нас съем-



ки, простой стоит громадных денег... Но врач не слушал. Порывисто поднявшись, он зашел в комнатку, откуда только что вынесли Кейна, и мельком оглядел ее — помещение четыре на четыре метра, ни одного окна, низкий потолок, а камера снимает через стекло, которое изнутри выглядит как простое зеркало. Все понятно. Кретины! Выходя, врач так треснул дверью, что неустойчивая конструкция, наспех сделанная из тонкой фанеры, заходила ходуном. Подойдя к встревоженной толпе, он гневно сказал: «Вы что, с ума сошли? Да вы знаете, чем это могло кончиться?! У Майкла же клаустрофобия, вы понимаете это или нет?»

Кейн лежал на спине, глаза его были закрыты, но пульс его приходил в норму, дыхание становилось все более ровным. Тьма, окружавшая Майкла, ушла, пропал и ненавистный запах, остался лишь страх, вечный страх, но и он уйдет очень скоро — минут пять, и все в порядке. Кейн слышал, что вокруг толпится народ, слышал все разговоры, крики, встревоженные голоса, но словно бы сквозь ватное одеяло. Секунду спустя он почувствовал на своем запястье чьи-то пальцы и услышал, как знакомый баритон спрашивает его: «Ну что, Майкл, ты опять увидел то же самое?» Кейн пожегся и едва заметно кивнул.

Почему это до сих пор преследует его? Он пришел на площадку здоровый, выпавшийся, полный сил, выпил кофе, побалагурил с костюмершами, проглядел на всякий случай сценарий эпизода, который сегодня собирались снимать, зашел в комнатку — и вдруг пространство словно сузилось, куда-то исчез яркий свет софитов, пропали стол, стул, круглое зеркало, да и сам Майкл Кейн растворился без остатка, а вместо него в крошечной тьме шарит беспомощными руками маленький мальчик по имени Морис, плачет и зовет маму. Но мамы нет, мама далеко, она не услышит, не придет. Он плачет полчаса, час, но сколько может плакать ребенок, если никто его не утешает и даже не слышит? Он вытирает слезы и молча сидит в темноте — час, другой, третий... Внизу, под закрытой дверью, пробивается крохотный лучик и тут же тает, убоявшись темноты, и больше ничто не освещает крохотную каморку — можно протянуть левую руку и коснуться стены, справа стена чуть дальше, но и до нее дотянуться совсем просто. Если поширять рукой в темноте, можно нащупать две метлы и растрепанный веник, на полу валяются совок и какие-то тряпки, а за спиной у мальчика — не-





Дома с матерью Эллен и младшим братом Стэнли (Лондон, 1964 г.)



Кадр из фильма «Похороны в Берлине» (1966 г.)

сколько полок с припасами: мешочек с мукой, потом еще мешочек — кажется, с сушеным горохом или чечевицей, и много, очень много пакетиков с корицей. Корицей пахнет так сильно, что кажется, этот запах тоже можно нащупать

смотреть и понять, сколько еще сидеть здесь. Но часов нет, поэтому кажется, что сидишь уже целую вечность и останешься здесь до самой смерти, а умрешь ты скоро, и даже понятно как: просто темнота стугнется, станет плотной, как сливо-

деревушки и этого гадкого домика. Она сидит и, наверное, боится, что Лондон начнут бомбить: таинственный мистер Гитлер отдаст приказ — и вместо их дома вдруг окажется дымящаяся воронка. Мальчик думает об этом и ежится, как от холода. А папа — тот еще дальше: папа ушел на войну, и сейчас, может быть, в него целится какой-нибудь немецкий солдат, и никогда он не увидит своего сына... От этой мысли Морису становится совсем неуютно, и он снова всхлипывает.

«Вы что, с ума сошли? — гневно сказал врач. — Да вы знаете, чем это могло кончиться?! У Майкла же клаустрофобия, вы понимаете это или нет?»

Нет, это всхлипывает не Морис, а Майкл Кейн — актер, звезда, достоиние Британской империи. Он встает, неуклюже машет рукой, говорит, что скоро придет в себя, и уходит в гримерку — воспоминания держат его и не отпускают. Пока он не прокрутит в голове все без остатка, он будет не в форме, это точно.

рукой и сжать в кулаке. Корицей пахнут одежда, ботинки, манжеты на рубашке, запах забивается в поры, лезет в нос, и даже когда выходишь отсюда, корица преследует тебя неотвязно.

вое желе, и ты задохнешься, упадешь на пыльный пол, и никто никогда тебя здесь не найдет. Только папа мог бы спасти, или мама, но они далеко, очень далеко: мама сидит в их маленькой квартирке в мрачном Лондоне, за много миль от этой

Как все началось? А ведь довольно неплохо. Всех детей из их квартала собрали, надели маскировочные плащи с нашитыми личными номерами и эвакуи-

Были бы часы — можно было бы по-



В жизни Кейна было много женщин, но все они приходили и уходили, не задерживаясь надолго

ровали за город. Морис и его младший брат Стэнли долго ехали в вагоне, никто не говорил куда, вокруг сидели такие же испуганные, ничего не понимающие дети. И вот их наконец высадили — прямоком в сказку! Это была какая-то деревушка, братья видели такие раньше только на картинках: улицы опрятные и широкие, домики светлые и просторные, словно пряничные, а главное — воздух! Воздух здесь был невероятно чистый, и его совершенно не было видно — для детишек, выросших в лондонском смоге, это было настоящим открытием. Этим воздухом можно было дышать и не кашлять, он пьянил, как легкое вино, которым Мориса как-то угощал отец на день рождения, и волшебно пах — какими-то травами, лесом, далеким костром...

Нельзя сказать, что городских детей как уж хорошо приняли в деревне: лишний рот всегда обуза, а что эти городские умеют? Большинство брали детей в семью из-за денег (на каждого эвакуированного ребенка полагалось пособие), кто-то подыскивал себе бесплатного работника, и лишь немногие считали это своим христианским долгом — совсем, совсем немногие. Майкл вспоминает, как их распределяли по семьям, и снова ежится: всех привели в большой дом и велели сесть на пол — стульев там не было, были только большие смешные лавки, но на них садиться почему-то не разрешалось. После этого детей стали разбирать. Больше всего это походило на торговлю рабами — не шибко тактичные сельчане внимательно рассматривали каждого ребенка, прикидывая, сможет ли он работать в поле и огороде, не ка-

призванный ли. Морис и Стэнли смотрели на все это снизу вверх, сидя на холодном полу: незнакомые люди выбирают маленьких детей, словно свинину, ребятишки уходят с незнакомцами, крепко держась за пропахшие потом одежды. Кто-то радуется, кто-то упирается и плачет, не желая идти, шум, гам, суета... Противно быть выбранным, но еще противнее наблюдать, как проходят мимо и выбирают других, как эти гады шагают к выходу, да еще бросают на тебя пренебрежительные косые взгляды. Сперва разобрали тех, кто покрепче, потом тех,

Морис и его младший брат Стэнли долго ехали в вагоне, никто не говорил куда, вокруг сидели такие же испуганные, ничего не понимающие дети

кто постарше, и в комнате остались сидеть всего несколько ребятишек, включая Мориса со Стэнли. Братья обнялись и старались не смотреть по сторонам — красные от стыда и унижения, глотающие соленые слезы обиды.

Но избавление пришло: милая улыбчивая женщина расцеловала их в мокрые щеки, показала им свою кошку и забрала с собой. Заветной мечтой любого мальчишки в их квартале было покататься на машине — и вот они едут на настоящем «Роллс-ройсе!» «У королевы точно такой же», — шепчет Морис, и Стэнли

восторженно кивает головой — уж в машинах-то братец разбирается! Автомобиль едет по солнечным проселкам, он заворачивает в тенистый сад, проезжает сквозь чугунные ворота, и вот братья уже в огромном красивом доме — их помыли, переодели и пригласили к столу. Да нет, даже неудобно называть столом эту громадину — в их скромной квартирке на окраине южного Лондона он просто не поместился бы. Морис про себя назвал его Господин Стол, и за ужином им прислуживал, между прочим, настоящий официант — да не в сказку ли они

попали? Еда была вкуснейшей, ребята сроду такой не пробовали. А спали они на самых мягких на свете перинах! Но, увы, экскурсия в рай закончилась уже за завтраком: братьям сказали, что они должны покинуть этот гостеприимный дом — дама с кошкой и официантом живет слишком далеко от школы. «Не расстраивайтесь, дорогие мои, — ласково сказала та женщина на прощание. — Я уверена, что вас с нетерпением ждет еще одна семья».

Как же, ждет. Мориса ждало местечко под названием Дотебойз-холл, наскоро

Майкл Кейн в фильме
«Макулатура» (1972 г.)



построенные общежитие для детей, а куда отправили Стэнли, он даже не знал — их просто разлучили, и все: Мориса повести в одной машине, а Стэнли — в другой, они даже попрощаться не успели. В Дотейбойзхолл и начались его злоключения. За детьми здесь присматривала страшная тетка, настоящая старая ведьма, жена местного полицейского — злобная, скрюченная, вечно кашляющая. Морис получал от нее затрещины почти каждый день, про еду здесь и вовсе забывали, а если кормили, то разве что рыбными консервами. Уходя за покупками, она запирала Мориса где придется: однажды он провел три дня в шкафу для посуды, а уж маленький чуланчик и вовсе стал его постоянным прибежищем. Он сидел в темноте и раздумывал над тем, что могло быть, наверное, и еще хуже — вон парнишку по имени Кларенс эта тетка так избивала, что сломала ему руку и ногу. Морис вскоре догадался, зачем его запирают: она просто боялась брать его с собой, боялась, что кто-нибудь заметит его синяки — у него же все тело теперь было в рубцах и шрамах. Кстати, они его и спасли: шрамы на ногах заметила его школьная учительница, заподозрила неладное и написала письмо матери Мориса, Эллен. Та срочно стала искать способ забрать мальчиков домой и вскоре приехала и увезла их к себе в Лондон — бомбежки уже прекратились, а тут и война кончилась. «Когда меня били, запирали в шкафу или не кормили несколько дней, я всегда знал, что придет мама и меня спасет, — так оно и вышло», — вспоминал позже Кейн.

...Послевоенный Лондон, трущобы, жизнь в каких-то самодельных бунгало,

построенных из отбросов, — в их дом все-таки попала бомба... Кто бы мог представить, что этот мальчишка, этот сорванец, типичный кокни, которому надо бы зарабатывать и кормить семью, вдруг решит стать актером? Да это смешно, это бред какой-то — парень, ты забыл, что живешь в южном Лондоне, самой грязной, самой отвратительной части города? Об этом районе не пишут песен, у него нет лица, здесь всегда неуютно и, кажется, всегда идет дождь. Дома здесь хуже, чем английская погода: в них нет водопровода и лифтов, а жители говорят о таких вещах, о которых не при-

За детьми присматривала страшная тетка, настоящая ведьма. Уходя, она запирала Мориса где придется: однажды он провел три дня в шкафу для посуды

нято упоминать в приличном обществе. Здесь живут люди без будущего, это мир, из которого нет выхода, не гетто, просто другая вселенная: ты будешь подметать улицы и мыть полы в богатых домах, а если очень постараться, то сможешь устроиться лифтером — вот тебе и вся карьера, вот и вся жизнь. Но актером? Что ты, парень!

Маленький Морис любил ходить в кинотеатр, по субботам там показывали отличные фильмы. Люди на экране попадали в самые разные обстоятельства,

смешные или трагические. Это было волшебство — другой мир, далекий, совершенный, до которого простому человеку невозможно было дотянуться. Морис смотрел и воображал себя скачущим на лошади рядом с Одиноким Всадником, а о большем и не мечтал.

Да и как он мог мечтать? Он вырос в трущобах, в самом опасном районе Лондона, дрался с мальчишками, знал тут каждый уголок и каждую подворотню; в их семье экономили каждый цент и даже электричеством не пользовались — на кухне мерцала вечно включенная газовая плита, а комнаты и вовсе ничего не

освещало. Морис с рождения страдал блефаритом — воспалением век и вынужден был носить громадные очки, да к тому же из-за рахита ходил в специальных лечебных ботинках — хорош актер! Впрочем, ботинки ему даже нравились — по крайней мере они были впору в отличие от всей остальной одежды.

Нет, сперва ему хотелось совсем иного — Морис страстно желал устроиться работать на рыбный рынок, как пана. Он так часто представлял себе, как ходит по рынку в широкополой шляпе, взвешива-

ет громадных рыбин, как кладет куски льда и сливает воду с прилавков... Однажды, когда Морис был еще совсем маленьким, отец взял его с собой на работу. Спрятавшись за папину спину, мальчик

видно, все здесь уважают — каждый, пройдя, поздоровается или просто махнет рукой. Морису тогда страсть как захотелось быть одним из них, вот так же важно ходить, переглядываться друг с

этом обтрепанном мальчугане со шрамом на левой щеке, с перемазанными углем руками, в многократно перелицованном пиджаке с чужого плеча? Судьба поманила его всего раз: в шесть лет Морис выиграл конкурс пантомимы и даже получил приз — пять шиллингов, громадные деньги. Морису этого было достаточно: он вдруг почувствовал, что может стать актером, точнее, может без опаски думать об этом — и тогда целый мир раскроется перед его удивленными глазами. От этих мыслей у Мориса начинала кружиться голова: это был пропуск в иные вселенные, пусть призрачный, но все-таки выход из тесного мирка южного Лондона. Сказать о своих мечтах отцу и маме он не решался — вернее, не решался тот, прежний Морис, не знавший ужасов эвакуации, никогда не сидевший в шкафу для посуды, милый парнишка, во всем полагающийся на удачу, папу и маму, которые всегда придут на помощь, всегда

Морис рассказал о своей мечте в школе, и учитель выпорол его перед классом — чтобы другим неповадно было забивать себе голову глупыми фантазиями

жадно рассматривал такой новый и такой волшебный мир, где правят бал сильные мужчины в рыбацких рубашках. Они пахнут так же, как и папа, они подходят, жмут ему, Морису, руку, как взрослому, глядят по голове, и папу, это

другом, поигрывать мускулами, растирать в ладонях соль. Да ведь к тому же здесь можно неплохо заработать — шиллингов 50 в неделю!

Кто бы узнал будущего денди Кейна, знатока вин и ценителя хороших сигар, в

С Лоуренсом Оливье в фильме «Сыщик» (1972 г.)



Ехать в Индию не понадобилось: оказалось, что Шакира Бакш, девушка его мечты, живет в Лондоне



пособия по актерскому мастерству, запоем читал и наизусть заучивал самые разные пьесы, штудировал театральную критику и развлекался изучением актерских мемуаров — о, там попадались презанятные фрагменты! Сложнее всего было избавиться от ненавистного акцента кокни, который метил его, словно клеймом, и Морис старательно пытался перенять манеру изящно вести разговор, которую он наблюдал в фильмах. Юноша шел по улице и говорил сам с собой на разные лады; прохожие шушукались вслед и крутили пальцем у виска, но Морису было наплевать — придет время, и он сбегит из этого места, станет знаменитым, а они останутся здесь, и постылые жены будут подавать в их стариковские кровати остывший суп.

выручат, дадут совет... Из Дотейбойз-холл вернулся совсем другой Морис — жесткий, целеустремленный, знающий, что ни на кого в этой жизни нельзя полагаться, и если чего решил, то надо добиваться этого во что бы то ни стало. Морис рассказал о своей мечте в школе, и учитель выпорол его перед классом — чтобы другим неповадно было забывать себе голову глупыми фантазиями. «Из тебя получится прекрасный чернорабочий, — приговаривал учитель, охаживая его пал-

Ну куда он лезет, мордастый парень, типичный кокни, кого он будет играть? Виконта? Миллионщика? Не смешите. Это в Америке снимают фильмы про простых парней, рабочих с белозубыми улыбками, там еще можно пробиться, а у нас-то, в Британии, сроду не было актеров, которые вышли из низов, — в кино все сплошь скачут на лошадях, играют в теннис, пьют шампанское и кобелируют по салонам. Бывает, вылезет какой-нибудь хмырь, который пытается изобра-

Они вышли подышать воздухом, и тут тетя приятеля вдруг стала странно поглядывать на Мориса, потом намекнула, что под платьем у нее ничего нет, ну и...

кой. — Откуда только берутся такие ленивые, самовлюбленные негодяи?» Морис поведал о своих планах отцу, и тот взбеленился: «Да ты с ума сошел, что ли? Они же там все «голубые»! Ты что, хочешь быть таким же? Шел бы работать лучше, лоб здоровый, жрешь за двоих, а денег в дом не приносишь!» Вскоре о фантазиях Мориса знала вся улица, его дразнили актеришкой, едва он выходил за порог, язвительно осведомлялись, в каком именно театре он будет подметать пол, — и, надо сказать, повод у них для этого был.

зять рабочего, — такая умора, право слово, но капельки же не похоже! Да и мы ведь помним, что вчера он в другой ленте катался в лимузине и невесте бриллианты покупал — ну какой из него кокни? Нет, парень, извини-подвинься, дурацкая твоя затея, занялся бы делом, право слово.

Но Морис был иного мнения. Он забросил ненавистную школу, наплевал на советы отца и по уши зарылся в книги: прочел про систему Станиславского, и про шекспировский театр, и какие-то

Он только и делал, что читал книги и ходил в кино: кроме всего прочего, там можно было узнать немало интересного об отношениях мужчин и женщин. Приходя домой, Морис запирался в комнате, открывал журнал «Эффективное здоровье» прямехонько на той странице, где пропагандировали прелести нудизма (с подробными иллюстрациями этих прелестей), и доканчивал то, что начал тот шеголь в спальне у виконтессы. Он много раз представлял себе, как это будет в действительности, однажды даже за плитку шоколада уговорил кассиршу из кинотеатра снять свитер и показать грудь, но реальность опрокинула все его прогнозы. Это случилось на вечеринке у одного приятеля, и не с кем-нибудь, а с тетей этого самого приятеля. Они вышли подышать воздухом, вдруг тетя начала странно на Мориса поглядывать, намекнула, что под платьем у нее ничего нет, ну и... Что ж, неудивительно: уже тогда Морис был видным парнем.

Однако актера по имени Морис никто не ждал с распростертыми объятиями. В глубине души он думал, что стоит только объявить себя актером — и все, ходи себе, снимайся и давай интервью. Увы, в жизни все оказалось не так просто: на что-то надо было и жить. Морис мыл посуду в ресторанах, работал клерком в гостинице, ассистировал какому-то ловкачу, который фотографировал на еврейских свадьбах, и даже с невероятным трудом устроился в одну из крупных английских кинокомпаний — вот и сделан первый шаг в прекрасный новый мир.

Но Мориса уволили за курение в туалете, и кончилось все тем, что он загремел в армию.

Сперва он служил в Германии, потом воевал в Корее. Не раз Кейн оказывался на грани жизни и смерти, но любовь к кино помогала ему и здесь: он просто представлял себя на съемках фильма, и тогда было легче, вроде как все не по-настоящему.

Из армии Морис вернулся взрослым бесстрашным парнем, все кошмары детства казались ему теперь сущими пустяками — ведь он едва не погиб и победил, вышел из этой мясорубки живым, научившись смотреть опасности в лицо. Это умение немало ему помогло в дальнейшем.

Едва вернувшись, он случайно купил журнал «Сцена» и наткнулся на объявление о прослушивании в одном брайтонском театре и наудачу послал анкету с фотографией — он не особо верил в свою счастливую звезду, но был настроен выжать лимонад из каждого попавшего лимона. Толпа претендентов, явно с опытом, повторявших по сотому разу тексты, которыми они собирались покорить комиссию, Мориса, самого молодого из присутствующих, ничуть не смутила. Он вышел и вместо чтения дурацких стихов показал пантомиму — и его взяли!

Был ли у него актерский дар? Та самая искра, врожденное умение вживаться в чужую шкуру, которое видно сразу? Теперь-то, конечно, все считают, что да. Как можно сомневаться? И биографы захлеб рассказывают, что первую удачную роль он сыграл в два года — когда выходил встречать налогового инспектора и, хлопая честными глазенками, говорил: «Мамы нет дома» (а мама пряталась в дальней комнате). Но сам-то Кейн сказал себе сразу: «Парень, у тебя нет таланта, тебе никогда не стать звездой. Все, что тебе остается, — овладеть техникой». Ведь и в театр его взяли только потому, что он понравился председателю отборочной комиссии — сразу после прослушивания тот подкатил за продолжением, получил отказ, долго удивлялся такой наглости, но в театре парня все-таки оставил: пантомима ему удавалась действительно неплохо. Громоздкое имя Морис Маклвайт сменили на хлесткое Майкл Скотт, и Скотт не подкачал: техникой он овладел действительно неплохо, и вскоре количество перешло в качество: выученные актерские приемы сложились в умение играть, и Майклу стали давать все более и более серьезные роли.

Кейн мог представить себе что угодно, кроме того, что он снова влюбится и уж тем более женится. Шли годы, он перепробовал таких и сяких, и ни одна женщина не тронула его сердца...





Майкл и Шакира остались вместе, у них появилась прелестная дочурка Наташа, и лишь тогда осторожный Кейн предложил ей руку и сердце...

Кейна полюбили в труппе: за ним ухлестывали и мужчины (такой крепкий, мускулистый, белозубый!), и женщины (наконец-то нормальный мужик появился — девчонками интересуется). Ну, води-

он ведь приходил в театр в том же пиджаке, в котором подрабатывал на рынке, — жить на что-то надо, а пиджак у него был один. Его партнершу, с которой Майклу по ходу спектакля надо было целоваться,

с утра до вечера, однажды его даже увезли на «скорой» с диагнозом «переутомление». Влюбился впервые он тоже именно в театре — актриса Патрисия Хейнс была красива как богиня, она умела смотреть так, что сердце уходило в пятки, и Майкл погрузился в самый безумный и скоротечный роман, который только мог вообразить. Через два дня они уже щебетали так, словно знали друг друга всю жизнь, через две недели поженились, а к тому времени, когда на свет появилась очаровательная девочка по имени Доминик, точно знали, что их встреча была ошибкой и вместе им никак не ужиться. Научиться любить оказалось куда легче, чем научиться жить с любимым и быть счастливым. «Мои амбиции пугали ее. Патрисия, кажется, вообще в меня не верила, — говорил Майкл друзьям. — Мы должны были расстаться, и мы расстались». «Да он всегда был холостяком, называл себя

От Майкла всегда воняло рыбой: он ведь приходил в театр в том же пиджаке, в котором подрабатывал на рынке, — жить на что-то надо, а пиджак у него был один

лись за ним кое-какие странности: скажем, парень никогда не оставался в гримерке один и всегда держал дверь открытой — боялся, что ли, чего? А на репетициях от него всегда жутко воняло рыбой:

однажды чуть не стошнило, и она подарила ему пиджак своего дяди — на, и никогда больше не надевай эту гадость! Майкл играл выпивох, прощелыг и влюбленных, он жил только театром, работал



... о чем не жалеет до сих пор

холостяком и вел себя как холостяк. Что вы хотите? — доказывала Патрисия подругам. — Его амбиции были важнее, чем я и ребенок. Ну и пошел он к черту!» Майкл еще не раз вспомнит Патрисию недобрым словом: пару лет спустя она подаст на него в суд, требуя алиментов (ну не было у него тогда денег!) и обвиняя в том, что он двадцать восемь раз избивал ее (а

Роли, еще роли, благожелательные рецензии, фото в газетах, долгожданные съемки в кино... Майкл пробивался как мог, ради дурацкой роли в каком-то телефильме снова изменил имя — там уже был один Майкл Скотт. Так на свет появился Майкл Кейн, и, кажется, к лучшему: Морис Майклайт был застенчивым и мягким юношей, Майкл Скотт показал

чушь. Повезло — это когда ты не думаешь о хлебе насущном и можешь послать маме столько денег, чтобы и она не думала о нем до конца своих дней. Мама, милая мама — в жизни Кейна было много женщин, но все они приходили и уходили, а на первом месте всегда оставалась она, постаревшая, любимая мама Эллен. Мама, которая всегда поддержит добрым словом, хоть и ничего не понимает в кино; мама, которая без колебаний отдала ему все свои сбережения, когда сыну совсем было худо и грозила тюрьма из-за этой сучки Патрисии; мама, которая так и не изменила своим привычкам и по-прежнему мыла полы в богатых домах, а на премьеры Майкла ездила на автобусе. Кейн был счастлив, когда видел ее рядом, и она была счастлива: сынок брал ее с собой на приемы, и однажды она видела живую Барбру Стрейзанд и «Битлз» (очень милые ребята) и даже говорила с настоящей леди, у которой были золотые часы и бриллиантовое кольцо — можете себе это представить?

Кейн мог. Он мог представить себе что угодно, кроме того, что он снова влюбится и уж тем более женится. Шли годы, он перепробовал таких и сяких, и

«Да Майкл всегда был холостяком и вел себя как холостяк, — доказывала Патрисия подругам. — Его амбиции были важнее, чем я и ребенок. Ну и пошел он к черту!»

уж это полное вранье!). Когда же он все-таки прославится, Патрисия продаст в таблоиды свою статью «Моя жизнь с Майклом Кейном», полную таких интимных подробностей, о которых люди не рассказывают даже своим близким. Что ж, и это было уроком: никому не доверяй, иначе залезут в душу и натопчут там грязными сапогами.

себя лихим, самоуверенным парнем, но и он не смог добиться особенного успеха... Теперь дело было за Майклом Кейном, и ему повезло.

Что такое «повезло»? Это когда у тебя свой агент, и шпют предложения, и мелкие роли сменяются крупными, а потом и главными; когда пресса уделяет тебе все больше внимания... Нет, слава —



ни одна не тронула его сердца: все было не то... В глубине души он ждал чуда, чего-то необычного, неведомого — и чудо случилось. Однажды утром он включил телевизор и увидел девушку неземной красоты, ту, ради которой он пошел бы на край света. Девушка кокетливо улыбнулась и протянула ему банку с кофе. «Кофе «Максвелл»! Лучший кофе для путешественников!» — объявил торжественный голос за кадром, и девушка исчезла.

Кейн устремился на поиски. Кто-то сказал ему, что ролик снимался в Бразилии, и Кейн уже был готов лететь в Рио-де-Жанейро, как вдруг выяснилось, что это была вовсе не Бразилия, а родная Британия: компьютеры творят чудеса. «А девушка? Откуда девушка?» — орал в трубку Кейн. Ему обстоятельно отвечали: «А девушка из Индии. Зовут Шакира Бакш». Какая разница — Рио, Бомбей, Дели, — только скорее, скорее! В результате оказалось, что лететь вообще никуда не надо: Шакира Бакш живет в Лондоне и с удовольствием встретится со знаменитым актером. Завтра? В ресторане «Эт-ранж»? Отлично.

Ресторан, еще ресторан, поездка за город, вечер у камина... Странно влюбляться, когда ты уже немолод, странно, что в тебя еще могут влюбиться, что понимают с полуслова, думал Кейн. А Шакира удивлялась, что Майкл оказался совсем не напыщенным, таким своим, домашним, так мило подшучивающим над собой и своими слабостями... Они виделись каждый день, об их бурном романе писали все газеты мира, потом переключились на кого-то еще, а Майкл и Шакира остались вместе, у них появилась прелестная дочурка Наташа, и лишь тогда осторожный Кейн предложил ей руку и сердце, о чем не жалеет до сих пор.

Годы, конечно, не те, и здоровье, и вместо поджарого красавца видишь в зеркале пожилого мужчину в громадных очках — можно представить, каким тебя видят окружающие, если предлагают играть только убийц и садистов... Ты мог бы снять свою версию Дориана Грея, Кейн: сам стареешь, а жена твоя остается все такой же молодой и красивой. Но, видно, это и есть счастье, и даже приступы клаустрофобии, которые не проходят и, видно, уже никогда не пройдут, тоже что-то значат: каждый раз вспоминаешь, кем ты был, через что прошел и кем стал, — очень полезно, если вдуматься. Вот только если бы так ужасно не пахло корицей...

Карвин Вуд